Незнакомка до востребования

Автор:
Анна Данилова

Незнакомка до востребования

Анна Васильевна Данилова

Crime & private

Она очнулась в больнице и ничего не смогла вспомнить: ни кто она такая, ни как ее зовут, ни что с ней произошло. У нее осталась лишь глухая боль и проникающие ножевые ранения по всему телу. Ее чуть не убили! Но кто это мог сделать? И не придет ли этот неведомый в больницу, чтобы закончить то, что не получилось с первого раза? Возможно, он один из тех милых на первый взгляд людей, ее знакомых и родственников? Друзья Зоя и Вик, ее отец Максим, новый поклонник Алексей – кто из них имеет отношение к произошедшей с ней трагедии? Девушка абсолютно ничего не может вспомнить, но все доказывают ей: она – Марина Караваева, и теперь ей больше ничто не угрожает…

Анна Данилова

Незнакомка до востребования

© Дубчак А.В., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

1

– Ну как, вам получше?

Она открыла глаза. В палате голубые утренние сумерки. Над ней склонилась медсестра во всем бирюзовом. Что ей сказать? Да и какое ей, этой красивой сестричке, дело до ее самочувствия?

– Да, намного лучше, – ответила она и снова закрыла глаза. Голова болела так сильно, что больно было даже открывать глаза.

– Я сейчас сделаю вам еще один укол…

Вот, сейчас будет еще одно болевое ощущение. В коллекцию к остальным. Они садисты, эти врачи и медсестры. Всаживают иглы и впускают жгучую жидкость, которая наполняет и без того истерзанную плоть.

Голова, раны в груди – все болит, саднит. И кажется, что никогда уже эта боль ее не отпустит. Хотя все те минуты и часы, которые она проводит во сне, конечно, она не чувствует боли.

В следующий раз она проснулась, когда в палате по-вечернему горели все лампы. Соседки по палате о чем-то тихо переговаривались. На редкость тактичные женщины. У одной – открытый перелом руки, у другой – грыжа.

Самая интересная тема их разговоров – это состояние соседки, которая потеряла память.

Когда она в своей прошлой жизни слышала о подобном, то, понятное дело, не думала, что эта беда может когда-нибудь коснуться ее. Но она действительно ничего не помнит. Какая-то душевная и умственная анестезия. Ни имени своего не помнит, ни кто она вообще такая.

Она рассматривала себя в зеркало, но не узнавала свое лицо. Рассматривала руки и понимала, что физическим трудом она себя не мучила. Холеные руки, с маникюром. Ногти длинные, полированные.

Под одеялом корчилось от боли тело молодой девушки, длинные ноги. На ней была застиранная чужая ночная рубашка, которая в области груди были выпачкана кровью. Перевязки доставляли ей настоящее страдание. Хорошо еще, что повязки отмачивали желтым холодным фурацилином, все-таки было не так больно, как отдирать присохшее на сухую.

Она вся пропиталась запахами засохшей крови, лекарств, мазей. И эти запахи уже успели въесться в кожу, волосы.

А еще хотелось помыться. Теплой водой с мылом. Чтобы смыть с себя раны, ссадины, боль и все то, что происходит с ней сейчас. Ведь она наверняка жила нормальной, полноценной жизнью, у нее где-то есть дом, родные, друзья. И почему никто из них не приходит? Почему ее никто не ищет? Прошло уже два дня, по словам врачей, как ее привезли в больницу.

Нашли за городом, в придорожной канаве. С разбитой головой и двумя ножевыми отверстиями в груди. Тот, кто сделал с ней это, наверняка хотел ее смерти. Нож не оставил, взял с собой, чтобы уничтожить. Какой это был нож? Кухонный? Охотничий? Хирург, который оперировал ее, сказал, что нож был, скорее всего, кухонный, с широким тонким лезвием.

И это просто чудо какое-то, что он прошел близко к сердцу и основным кровяным магистралям, не повредив их. Значит, не судьба была ей умереть. А тот, кто пырнул ее ножом (два раза, чтобы наверняка!) и оставил умирать в канаве, думал иначе. Думал, что она не выживет, умрет, истекая кровью.

И если бы не семейная пара, которая остановилась на дороге, чтобы перекусить и сходить в туалет, в кусты, ее бы не заметили, не спасли. Это им она обязана своей жизнью.

После укола боль на время отпустила ее. Но сразу же пришла та же медсестра и поставила ей капельницу. Да, как же без этого? Она потеряла много крови, ее тело надо наполнить жизнью, новыми соками. И как же это здорово придумано – вводить иглу в заранее вставленный катетер. Такой нежный, пластиковый, с розовой крышечкой. Жаль, что внутримышечные уколы не научились делать безболезненно.

Сестра ушла. Одна из соседок по палате тихо спросила:

– Ну что, ты так и не вспомнила свое имя?

– Нет, не вспомнила.

– Расскажи свои ощущения… Неужели совсем-совсем ничего не помнишь?

– Нет. Знаете, когда зуб замораживают перед тем, как удалить, ничего не чувствуешь, и кажется, что десна увеличилась в размере, стала такой огромной, дурной, странной… А сейчас у меня такая вот голова.

Она терпеливо отвечала на вопросы, словно желая сама себе их прояснить, озвучить то, что она знала. В надежде пробудить какими-то простыми словами и понятиями свою онемевшую память.

– Давай мы с Валей вот будем называть тебе женские имена, а ты слушай внимательно и пытайся понять, какое из них покажется тебе родным, а?

Они искренне хотели помочь, это было ясно. Но почему же тогда иногда хотелось встать и закрыть их рты кляпами?

– Елена? Таня? Оля? Катя?..

У одной из женщин был с собой волшебный телефон с Интернетом, откуда она и черпала бесконечные списки имен. Русские, иностранные. Все подряд. Но ни одно из них не нашло отзвука в ее памяти. Память уснула. Или умерла.

Вечером был обход, к ней подсел молодой румяный доктор, взял ее за руку:

– Я понимаю, вам больно, но все равно вы должны понимать, что вам крупно повезло… Да-да, мои слова могут показаться вам кощунственными и даже глупыми, вроде о каком везении может идти речь, когда на вас покушались, но все равно поверьте мне, после таких ножевых ударов люди не выживают. У вас есть ангел-хранитель. Когда поправитесь и все вспомните, непременно поблагодарите его. Придумайте свою, собственную молитву. Поверьте мне, он вас услышит.

– Меня что, ударили по голове?

– Да, сначала оглушили тупым предметом, знаете, есть такие бейсбольные биты… Собственно говоря, я сам такую же себе купил в машину, так, на всякий случай… Чтобы от бандитов отбиваться. Хотя воин из меня, прямо скажем, никакой… Так вот, вас сначала оглушили чем-то подобным, а потом нанесли два удара ножом. Да я же вам уже говорил…

– Знаю… Только мне иногда кажется, что я нахожусь в каком-то кошмарном сне и какая-то часть того, что я вижу и слышу, нереальна… Вы понимаете меня?

– Безусловно. Ведь, помимо всех этих ран и ушиба головы, вы перенесли шок. Психологический шок. Но вы молодая, сильная, вы справитесь. И это ничего, что пока еще вы не все воспринимаете как реальность… Уже очень скоро все придет в норму, вы вспомните свое имя, а там уже все будет гораздо проще: объявятся ваши близкие, друзья… Они придадут вам сил.

– Знаете, такое странное ощущение… Словно я в темноте и пытаюсь руками схватить кого-то, поймать… Это моя память, понимаете?

– Да-да.

– Это так странно – не знать, кто ты такая.

– У вас следователь был?

– Был. Совсем молодой, неопытный. Задавал дежурные вопросы, но что я могла ему ответить? Совершенно ничего. Думаю, он остался сильно разочарован нашей беседой. – Она слабо улыбнулась.

– К вам уже приходил психиатр?

– Да, был… Но и он тоже задавал такие же дежурные, глупые вопросы. Я вообще не понимаю роли психиатров в этом деле. Ведь если память замолчала, значит, ей приказали это… – Она слегка подняла указательный палец кверху. – Оттуда… Не так ли?

– Знаете, я тоже придерживаюсь такого же мнения. Хотя вполне допускаю, что психиатры своими профессиональными приемами могут ускорить этот процесс.

– Вы имеете в виду гипноз?

– Да… А еще я считаю, что человека Бог лишает на время памяти для того, чтобы у него было время восстановиться физически, вот как в вашем, к примеру, случае. Чтобы ваши воспоминания, причем очень тяжелые, болезненные, не мешали вашему организму сосредоточиться на физическом, повторяю, восстановлении. Чтобы у вас была возможность окрепнуть.

– Вашими устами бы да мед пить. – Ей захотелось взять его за руку, сжать ее в знак того, как она благодарна ему за его внимание к ней. И вообще, от него исходило здоровье, надежда, все то, чего ей сейчас так не хватало. Казалось, прижмись она к нему, и от него к ней перельется немного сил.

Он ушел, и она снова погрузилась в черную бездну одиночества и страхов. Кто и за что ее хотел убить? Кто нанес ей сразу две почти смертельные ножевые раны? Кому она так крепко помешала в этой жизни, кому перешла дорогу?

2

В который уже раз перегорела лампа в уличном фонаре, и часть сада, двор и дорожка, ведущая от массивных чугунных ворот к дому, – все погрузилось во тьму. Александр Тихий открывал ворота при свете фар своего джипа. В который уже раз пожалел о том, что не сделал автоматические ворота. Хотя, с другой стороны, ему доставляло удовольствие даже прикасаться к этим прекрасным кованым ажурным воротам. В сущности, за ними начиналась его частная жизнь: сад, большой дом. Все то, что он создал практически своими руками. Чувство собственника было удовлетворено им сполна.

Он въехал во двор, свернул и проехал несколько метров до скрытого гигантскими елями гаража. Открыл, поставил машину и направился к дому.

На сердце было тяжело, просто невыносимо. Он только что сбил человека. Октябрь выдался холодным, туманным, свет фар мчащейся навстречу ему машины на какой-то миг ослепил его, и он, как ему показалось, наехал на движущегося по обочине дороги человека. Удар был не сильный, но все равно ощутимый. Он притормозил, прислушался к плотной тишине, окружавшей его наедине с туманом и пустынной дорогой.

Никто, ни одна душа не видела, что произошло только что. И удар, удар был слабый… Он повторял это про себя много раз, стараясь поверить в это.

Страх сковал его. Он некоторое время сидел в машине, не в силах пошевелиться, и в это время перед его глазами стали мелькать картинки из его невеселого будущего: лежащий на каталке в морге человек, лампа на столе кабинета следователя, жесткая скамья в зале судебных заседаний, холодный кузов машины, перевозящей заключенных, и, наконец, мрачная вонючая камера, наполненная уголовниками…

И все это при том, что он никогда ничего подобного не видел и не испытывал. Разве что мог представить себе все это, основываясь на увиденном в кино.

Он не мог и не хотел рушить свою жизнь. А потому пытался внушить себе, что этот человек жив. Кроме того, вряд ли этот человек благополучен, раз добирается до дома пешком, один, в холодный промозглый вечер. Если он трезв и нормален, то у него наверняка должны быть семья, работа, деньги. А если есть деньги, то он может перемещаться хотя бы на автобусе или, уж на крайний случай, на велосипеде, но никак не пешком. В радиусе примерно десяти километров вокруг нет ни одного населенного пункта. Причем он шел навстречу Тихому, то есть в противоположную сторону от Бобровки, где жил сам Тихий, к городу. Он был либо пьян, либо психически болен. Так, во всяком случае, рассуждал Тихий, успокаивая себя.

Дом встретил его сохраненным каким-то чудесным образом теплом и приятными запахами новой мебели. Дом ждал его.

Тихий вошел и заперся на все замки. А что, если его кто-то все-таки видел? Ну и что? Если кто и видел, то только очертания джипа, слишком уж густой был туман. И уж номеров-то точно никто не мог заметить.

Вдруг его осенило: следы на капоте? А что, если там кровь? Или капот помят?

Так не хотелось выходить из дома! Но он все-таки вышел с мощным фонарем в руках, дошел до гаража, открыл его и внимательно осмотрел машину. Нет никаких вмятин и крови. Однако боковое зеркало сложено…

Но это лишь заключение обыкновенного осмотра. Экспертиза, если до этого дело дойдет, сможет обнаружить на капоте и кровь, и царапины… Господи, ну откуда только взялся этот бомж? Или пьяница?

А что, если он там лежит и умирает? Может, ему еще можно помочь? В конце-то концов, у него есть деньги, и он может уговорить этого человека не заявлять в полицию. Он просто даст ему денег, и все!

Он сел за руль, выехал из гаража, снова отпер ворота. Мокрая дорога лоснилась при свете фар. Сквозь плотный туман тускло светились окна расположенных вдоль дороги домов. Вот там точно никто не переживал по поводу сбитого человека. Там жили, ужинали, смеялись или любились люди с чистой совестью.

Он ехал медленно, внимательно осматривая обочину дороги слева от себя. Он хорошо запомнил это место, там был небольшой мостик через реку, превращенную теперь уже временем в тихий и незаметный ручей. Вот он, мост. Тихий остановил машину, вышел из нее. Нашел место, где, по его подсчетам, он сбил человека. Свет его фонаря метался по жухлой траве, черным кустам в поисках неподвижного тела. Нет, никого не было. Вариантов имелось два: либо этот человек отполз куда-то очень далеко, где его невозможно увидеть, может, в расположенный в километре от дороги лес, что свидетельствует о том, что он в состоянии перемещаться на большие расстояния, а значит, более-менее силен; либо его подобрала машина. Второе показалось ему более правдоподобным.

Значит, этого человека привезли в первую попавшуюся больницу, и теперь врачи борются за его жизнь. Или же просто оказывают ему первую медицинскую помощь. Возможно, он лишь слегка ранен: ссадины, ушибы, перелом…

Он вернулся домой, снова заперся. В сущности, он сделал, что мог. В данной ситуации. Может, просто забыть обо всем этом? Свидетелей-то нет.

Странное дело, но после всех волнений аппетит у него не пропал. Напротив, он положил себе на тарелку целых четыре котлеты и целую гору пюре. Поставил в микроволновку разогреваться. Достал из холодильника банку с солеными огурцами.

Он готовил себе сам. И убирал дом тоже сам. Он был неплохо приспособлен к жизни и умел многое. И уж точно никогда бы не поселил у себя какую-нибудь домработницу или кухарку. Глупости все это! Дань моде. Он аккуратен, а потому прибраться в доме, когда у тебя есть хороший пылесос и целый арсенал бытовой химии, – пустяковое дело. А готовить он просто любил.

Поставив на поднос еду, он устроился на диване перед телевизором. Обычный вечер. Один из многих. Вот только вместо чувства удовлетворения прожитым, наполненным работой днем – тоска, страх быть пойманным и уличенным в подлом поступке. Ну почему он тогда не вышел из машины и не посмотрел, кого он сбил? И ведь никто из окружающих его людей, в том числе из подчиненных, которые его ценят и уважают, не подозревает, что он способен на такое. Оказывается, способен.

Он ел, уставившись в экран телевизора и даже не понимая, что смотрит. Ему было все равно. Насытившись, он с каким-то отвращением отнес поднос с грязными тарелками на кухню и принялся тщательно мыть посуду.

Телефонный звонок показался ему громом, разбившим тишину задремавшего дома. И хотя где-то внутри он понимал, что это может звонить Лида, его девушка, но страхи просто облепили телефон со всех сторон: полиция???

– Да… Слушаю…

– Саш, это я, – протянула Лида капризным тоном. – Ты обещал позвонить и не звонишь… Уже пять часов прошло, как мы с тобой говорили по телефону… Я же знаю, ты сейчас один, ешь перед телевизором… А как же я?

– Не звони мне больше!

Он и сам не знал, как произнес это вслух. Он много раз собирался это сделать, да только духу не хватало. А сейчас – раз и сказал. Словно для того, чтобы решиться порвать с надоевшей ему и совершенно пустой Лидой, ему надо было

кого-то сбить на машине и теперь вот понять, насколько даже звук ее голоса раздражает его. Особенно в столь тяжелый момент его жизни.

Он напрягся, ожидая повторного звонка. Но его, к счастью, не последовало.

3

Максим Караваев вернулся домой затемно. Окна его квартиры светились теплым оранжевым светом. В кухонном окне мелькала фигурка его жены Веры. Он присмотрелся в надежде увидеть еще один силуэт, но не увидел. Ладно, подумал он, прошли всего-то сутки, может, позвонит, вернется…

Вера открыла дверь и сразу же бросилась ему на шею. От нехороших предчувствий у него даже подкосились ноги.

– Вера, что случилось? Да не реви ты, объясни!

Он взял ее за плечи и хорошенько встряхнул. Вера – миниатюрная, стройная и на редкость красивая женщина. Каштановые густые волосы, узкое бледное лицо, маленький нос. Очень изящное создание. Ее внешность была, пожалуй, решающей в его выборе, поскольку ее кротость всегда казалась ему фальшивой, а свой характер она попридерживала, как и острый язычок. До поры до времени…

– Ты не поверишь… никогда… Кто-то позвонил в дверь, я открыла, и этот, он был такой сильный, в маске, я не знаю, кто он… Он ворвался к нам, схватил меня за плечи, вот как ты сейчас… – она на какое-то время пришла в себя, у нее даже слезы почти высохли, и теперь смотрела на него широко распахнутыми блестящими серыми глазами, – а потом… Господи, Макс, не знаю даже, как тебе сказать…

– Он что, изнасиловал тебя? – Брови Максима поползли вверх.

– Нет-нет, что ты!!! Но он поцеловал меня… Вернее, прокусил губу, вот!

И она показала пальчиком на вздувшуюся, со следами укуса и бурую от еще сочившейся крови губу.

– Что за чертовщина, Вера! – Он отмахнулся от нее, как от ребенка, который, увлекшись игрой, сообщил о приближающейся вселенской катастрофе. – Успокойся, я думал, что что-нибудь с Мариной… Она звонила? – спросил он на всякий случай.

– Нет, не звонила. Знаешь, она молодая девушка, может, увлеклась кем-то… Да и вообще…

– Ясно.

– Скажи, Макс, ты не веришь мне? – Она виновато хлопала ресницами.

– А ты бы мне поверила, если бы я пришел домой с прокушенной губой и сказал, что на меня в лифте напала женщина в маске и пыталась вот так вот зверски поцеловать?

– Если честно, то нет, не поверила бы никогда.

– Вот именно!

– Пожалуй, даже закатила бы истерику, плакала… Но мне-то что с этим делать? Поверь, я не обманываю тебя, не изменяю, я просто сидела дома, варила борщ! Да-да, именно – варила борщ.

Она действительно варила борщи, и получалось у нее это довольно-таки неплохо. Максим иногда думал даже, что ее поведение сильно смахивает на какой-то взятый из воздуха или телевизионных шоу сценарий счастливой семейной жизни, где важным атрибутом непременно являлся борщ. И что все носятся с этим борщом?

Однако в квартире на самом деле пахло свежим укропом, которым Вера всегда густо посыпала готовый борщ. Да и выглядела она испуганной, словно действительно на нее напали и прокусили губу. Глупость какая! Кому это могло понадобиться? Скорее всего, у нее кто-то есть. Может, и не любовник в полном

смысле этого слова, но уж ухажер – точно. Что он знает о ее прошлой жизни? Пожалуй, ничего. Что она училась в университете на филологическом, бросила, потому что умерла ее мать, которая оплачивала учебу. Сама Вера родом из маленького провинциального городка Волжского, вот только провинциальности в ней нет. Или же она научилась тщательно скрывать ее, маскировать уверенной походкой, умением одеваться и дерзко улыбаться.

Не хотелось думать о ее прокушенной губе. Но все равно мысли, нехорошие, так и лезли… Надо бы промолчать. Но получится ли?

Вера была спокойной женщиной, заботливой, во всяком случае, хотела такой казаться. Максим и сам не знал, почему он глубоко в душе так и не научился доверять ей. Может, потому, что он видел, как она говорит о других людях, как держится в обществе – все это слишком уж контрастировало с ее домашней покладистостью. В душе она была бунтарка, и многое, что ей не нравилось в ее настоящей жизни, наверняка прятала глубоко под обидами или даже разочарованиями. Она знала, что он ее не любит, но понимала, что он в ней нуждается. Что она нравится ему как женщина, что ему приятно бывать с ней в компаниях, что многие его друзья, может быть, даже завидуют ему. Особенно приятно ему бывало, когда к ним приходили гости и Вера показывала себя отменной хозяйкой. Он знал, что она перед этим часами просиживает за компьютером в поисках каких-то интересных рецептов, готовясь к вечеринке, что ей нравится удивлять гостей, вот только непонятно было, почему же он и к этой стороне их семейной жизни относился с недоверием. Что в ней было не так? Какое-то внутреннее чувство, которое, как он надеялся, все же пройдет со временем.

– Как дела на работе? – спросила она, доставая его домашние туфли и глядя по-собачьи преданными глазами на него снизу вверх. Казалось, еще немного, и она станет целовать его ноги.

– Да нормально все.

– Макс, я же вижу, что ты мне не веришь… Но я не обманываю тебя. Говорю же, позвонили в дверь, я думала, что это ты, к нам же днем вообще никто не приходит, а со своими подругами я встречаюсь на нейтральной территории, как мы и договаривались. Моя вина только в том, что я открыла дверь.

– А в глазок посмотреть не пробовала? – Он начинал раздражаться. Она сама была виновата в том, что продолжала развивать эту тему. Словно для того, чтобы самой успокоиться. Наделала дел, дала себя поцеловать какому-то ослу из ее прежних воздыхателей, а теперь вот выкручивается.

– Я не посмотрела. Правда. Не знаю, как это получилось. Я задумалась…

– И о чем же таком ты думала?

Он продолжал разговаривать с ней уже из ванной комнаты, где мыл руки. Он слышал, как она накрывает стол в гостиной, как звенит посудой.

– Я знаю, ты человек добрый, даже щедрый… Но все равно, когда я что-то покупаю, а вкус у меня, сам знаешь, неплохой… Словом… – Ее слова доносились уже откуда-то издалека, вероятно, она была в кладовой. – Я купила платье… Знаешь, такое красивое, вечернее, черное, с блестками… очень секси! Нет, ты не подумай, оно не открытое, только декольте, но так плотно облегает фигуру, я знаю, тебе понравится… Может, на Новый год его надену, может, корпоратив какой неожиданный…

Он вошел в гостиную, стол был уже накрыт, он сел на свое место, налил красного вина в фужер, продолжая слушать щебетание Веры.

Наконец появилась она, в руках – тарелка с маринованными грибами.

– Оно очень дорогое, вот, – сказала она, слегка порозовев, осторожно усаживаясь напротив него за стол. – Поужинаем, я тебе его покажу, надену…

– Вера, давай уже ужинать, хватит про глупости… Не миллион же евро оно стоит.

– Нет, конечно, не миллион… Но ты не представляешь себе, какое оно красивое.

– Не переживай. А что касается того, что на тебя сегодня напали, то этот вопрос можно решить вполне традиционным образом – давай обратимся в полицию.

– Давай! – Она даже захлопала в ладоши. – Макс, ну, конечно!!! Ведь на дверях, на ручке могли остаться отпечатки его пальцев… Если, конечно, он не был в перчатках, я не заметила… Да я вообще была в шоке! Боже, как же я испугалась! И ведь ничего не взял, не украл, не ограбил, а просто налетел на меня, схватил за голову и буквально впился…

– Вера, хватит уже, а?

– Но ведь ты не пошутил насчет полиции?

Почему она ухватилась за эту идею? Может, действительно, было все так, как она рассказала? Или же она делает это нарочно, чтобы дать ему понять, будто бы она не боится заявлять в полицию, что она не врет, а следовательно, готова побороться за себя. За свою честь? Она же не дура, должна понимать, что найти этого парня будет нелегко. Другой вопрос: зачем кому-то понадобилось звонить в дверь и целоваться с ней, да еще прокусывать губу?! Разве что ее с кем-то спутали?

Телефон Марины молчал. По-хорошему надо бы и по этому вопросу обратиться в полицию. Но прошли всего лишь сутки, в полиции у него откажутся принять заявление. Марина – человек ответственный, серьезный, она никогда, услышав звонок, не смогла бы не поднять трубку. Отношения у них близкие, сердечные. Конечно, она тоже не простой человек, как и все вообще. У нее характер, она умеет постоять за себя, знает свое право на собственное мнение. И вместе с тем она удивительно теплый и мягкий человечек.

До сегодняшнего дня он думал, что у нее нет никакой личной жизни. Но после того, как она перестала отвечать на звонки, он предположил, что у нее есть мужчина, находясь с которым она не хочет никого слышать. Такое бывает, когда влюблен, когда, кроме любимого человека, кажется, никого и не существует.

Она могла оставить телефон в машине или вообще на работе, а сама завихриться с мужчиной куда-нибудь, где нет телефонов… А может, они договорились со своим парнем не брать с собой телефоны?

Бред. Все это неправдоподобно, нереально. Она могла попасть в беду, поэтому не отвечает на звонки, поэтому молчит.

По Интернету ему удалось найти номера телефонов банка, в котором она работает. Он позвонил туда, и ему сказали, что Марина на работу не вышла. Что такое с ней случилось впервые.

Разве это не причина бить тревогу?

– Вера, я должен позвонить в полицию, вернее, я должен поехать туда и написать заявление о том, что пропал человек.

– Да и я тоже так думаю! Не понимаю, почему ты не сделал этого раньше! Ты же знаешь Марину, она не такая, она не могла бы не отзвониться нам, если бы решила уехать из города… Не хочется, конечно, так думать, но, может, у нее проблемы? Конечно, давай вместе поедем в полицию и сделаем все, что нужно… Покушай только, и поедем… А я пойду собираться… На улице холодно?

4

– Послушай, твой дом просто плавает в тумане… Очень красивое место ты выбрала для жизни… Просто сказочное!

Вик сидел на качелях, покачиваясь; на высоком крыльце стояла Зоя, закутавшись в теплую шаль.

Верхушки молодых яблонь и вишен медленно поглощались молочным туманом. И все вокруг, деревня, деревенские огороды и заброшенные сады, сейчас было скрыто от человеческих глаз.

– Что-то очень холодно для октября… Пахнет морозом. Утром под ногами поскрипывает тонкий лед… Вик, не сиди на холодных качелях, простудишь задницу, на старости заработаешь себе простатит.

– Зоя, ты человек, начисто лишенный романтики. Я тебе про туман, а ты мне про задницу и простатит.

– Мы с тобой близкие люди, Вик, и я переживаю за тебя и за твою задницу. К тому же я хочу, чтобы у тебя были дети. А для этого нужно здоровье.

– Ты вообще о многих переживаешь…

– Пойдем в дом, смотри, туман опускается на глазах, еще несколько минут, и я не увижу тебя…

Он нехотя поднялся, вернулся к воротам, запер их, сдвинул задвижку на калитке.

– Дрова принести?

– Когда идешь в дом, прихватывай с собой пару-тройку поленьев. Хотя сейчас, когда ты здесь, можешь расстараться и принести мне побольше дров, сложишь их в углу, в котельной.

Котельной Зоя называла небольшое помещение рядом с кухней, в котором располагался котел, обогревающий дом, и где ее муж, которого она схоронила два года тому назад, сделал специальное место для дров. Однако котел работал на газе, подогревая воду, циркулировавшую по трубам и батареям по периметру всего дома, дрова же заготавливались специально для открытых автономных каминов, которых было два – в гостиной и спальне – и которые топились по настроению, когда хозяевам хотелось живого огня, особенного тепла.

– Всегда, когда ты говоришь о котельной, я вспоминаю твоего Семена. Да, жаль мужика…

– Очень уж он любил острые ощущения… Любил скорость, разгонялся…

– Ничего бы и не случилось, если бы те провода так не провисли…

– Заходи, Вик, заходи… Разувайся и в дом, я тебе сейчас тапочки дам. Да, ты прав, это все провода… Понимаешь, там же кусты были, деревья, и эти провода слились на их фоне, он не увидел. А когда увидел, то уже поздно было, ему голову чуть не оторвало проводами, он успел повернуть, и со всей дури снегоход врезался в столб… Бррр… Как начну вспоминать все это, так голова болит,

словно это мне голову проводами оторвало… Вик, далась тебе эта котельная и все эти воспоминания?! Только-только в себя начинаю приходить. Закрывай за собой дверь, запирайся. Не знаю, как кто, а я всегда двери запираю. Мало ли что, живу-то одна.

Дом был большой, трехэтажный, сверкающий разноцветным мрамором, позолоченными дверными ручками, лаком драгоценного дерева.

– Знаешь, вот если бы не бывал здесь, у тебя, никогда бы не подумал, что внутри твоего дома, внешне довольно скромного, хоть и большого, такая вопиющая роскошь.

– Да, хозяин любил все красивое и дорогое.

– Да он тебя, Зоя, любил. Вряд ли он для кого другого так бы расстарался. Он же был женат раньше, и ничего такого не наблюдалось…

– Это было в другой жизни, и тогда у него не было денег. А потом нашел золотую жилу…

– А ты поначалу вообще говорила, что познакомилась с настоящим бандитом.

– Я не знала, что своим трудом, своими мозгами можно заработать столько денег. Вик, может, хватит уже про Семена? Чего ты мне душу-то травишь? Его уже нет два года. Хорошо, что я тогда выжила, в психушку не попала… Я вообще плохо помню похороны и все такое… Память меня щадит. Ну, чего остановился на пороге? Не стесняйся, проходи. Можно подумать, ты здесь в первый раз.

– В тысячный раз, Зоя, но все равно не перестаю восхищаться всей этой красотой…

– Ты здесь – дома.

В холле на мраморной колонне стояла большая вычурная итальянская ваза с огромным букетом красных роз.

– Искусственные, что ли? – Вик, невысокий мужчина в сером свитере и голубых джинсах, больше смахивающий на бомжа, подошел и понюхал цветы.

– Они настоящие, – сказала Зоя.

– Ну ты, мать, даешь!!! Такие деньжищи тратишь на цветы! Это же целое состояние! Несколько тыщ!!!

– Настроение было такое. Лирическое. Тосковала я, понимаешь? Заказала по Интернету цветы, утром заказала – вечером уже доставили. Очень удобно.

– Знаю, ты и продукты тоже заказываешь. А не боишься, что там, в городе, кто-нибудь заинтересуется тобой? Женщиной, которая живет в деревне, совсем одна, и делает такие солидные заказы?

– Хочешь сказать, богатая вдова – приманка для мошенников? Да здесь, в нашей деревне, пять семей живут, которым тоже продукты привозят. Нет, не переживай, все нормально… Кроме того, не забывай, что дом у меня охраняется. И кнопки по всему дому размещены…

– На компе дашь поиграть?

– Сначала я тебя накормлю, а потом поговорим…

Зоя – длинноволосая, высокая крепкая женщина с холодным взглядом и плотно сжатыми губами. Джинсы, вязаная белая кофта до колен, домашние высокие тапочки из овечьей шерсти.

– Вот, ешь, соседи зайчатиной угостили, я пожарила… Не знаю, как вообще можно зайцев в пиве тушить, редкая гадость! Вот на маслице поджарить – совсем другое дело.

Они сидели в теплой кухне, где все было темно-зеленым: красивая, затейливая, сделанная под старину мебель, зеленый сверкающий пол, зеленые бархатные занавески и даже скатерть зеленая, с белыми цветами. Вик знал, что эту зеленую кухню придумал Семен, он даже диванчик купил, обитый зеленой кожей, чтобы отдыхать на нем вечерами перед телевизором.

– А это помидорчики…

– Я обожаю твои помидоры, Зоя, но, по-моему, они еще не совсем просолились, а?

Они знали друг друга всю свою недолгую жизнь. С детского дома, до интерната. Многое было пережито вместе. И всегда они поддерживали друг друга. Во всем. Они были преданы друг другу бесконечно. И жить, зная, что они есть друг у друга, было не так страшно. Зоя не без помощи Вика пережила смерть мужа и нашла в себе силы жить дальше. Вик, который так и не устроил свою личную жизнь, не считал себя, пока была жива его Зоя, таким уж одиноким.

– Чем занималась?

– За компьютером сидела. Перед тем как ты приехал, я как раз отправляла Соне деньги. Я же тебе говорила – она третьего родила. Странные люди, денег нет, ее муж никак не может устроиться на хорошую работу, а она все рожает. Нет, конечно, я ей всегда буду помогать, но так же не делается…

– Она снова не поймет, кто ей прислал денег?

– Пусть думает, что это ее мать… Она же в Турцию сбежала, с любовником. Не уверена, что эта дамочка вообще жива, иначе объявилась бы, да и Сонька бы мне непременно позвонила, мы же с ней перезваниваемся часто…

– Значит, она о тебе ничего не знает?

– Нет. Она никогда у меня здесь не была.

– Но вы же с ней встречаетесь?

– Я приезжаю в город, приглашаю ее в кафе или ресторан.

– Она знает, кто ты…

– В каком смысле? Она-то знает, кто я и кто мы все… – Зоя грустно улыбнулась. – Мы – дети, выброшенные этой жизнью за борт… Детдомовцы и все такое. Но вот

о том, что я стала вдовой очень состоятельного бизнесмена, Семена Гурвича, – нет, не знает, конечно. Я же и фамилию свою оставила – Баландина. Я сказала ей, что занимаюсь посредничеством, что выполняю разные мелкие услуги, свожу людей, которые нуждаются друг в друге, и получаю от этого свой скромный процент.

– Ну и правильно. Знаешь, а мне Соню жалко. Не повезло ей с мужем. Никак не приспособится он к жизни, ну никак… На что рассчитывает?

– На смерть двух своих теток, но я тебе об этом не говорила. Он относится к тому сорту людей, которые, вместо того чтобы заработать деньги, постоянно что-то продают из своего, понимаешь? Потом занимают, покупают что-то, потом снова продают. И так до бесконечности. Это вот как раз про Никиту Сонькиного. Ну не дал ему Бог мозгов. Зато он добрый и Соньку с детьми любит.

– А работу ты ему не можешь помочь найти?

– Бесполезно. Он вылетит с любой работы в два счета. Во-первых, у него несносный характер. Во-вторых, он, мягко говоря, бестолковый товарищ. Еще очень доверчивый… Вик, список можно продолжать бесконечно.

Он знал, что она постоянно помогает Соне, Вадику, Валентине и Ирине – всем тем, с кем они росли и воспитывались бок о бок и кто являлся частью их прошлого. Тем, кто, в отличие от Вика, талантливого риелтора, к примеру, или Марины, благополучной банковской служащей, не сумел найти в себе силы устроиться в этой жизни.

И помогала она им тихо, не желая, чтобы они знали об этом. Суммы переводились немаленькие, по две-три тысячи долларов (в зависимости от того, какую сумму составляли ее собственные дивиденды от мужниных вложений в самые разные проекты и ценные бумаги), и Зоя прекрасно знала, что те люди, близкие ей люди, которым она отправляла эти деньги, понятия не имеют, кто оказывает им такую щедрую помощь. Однако деньги принимали, выпутываясь с их помощью из тяжелых жизненных ситуаций (долги, болезни), тратили их и старались, как думала Зоя, не вникать, кто именно оказал им помощь. Скорее всего, держали по этому поводу рот на замке.

Переводы она делала нерегулярно, а только в зависимости от сложившихся в их семьях обстоятельств, в курсе которых она бывала всегда. Однако были и традиционные, как она их называла, переводы: к Новому году, к началу учебного года (у всех опекаемых ею друзей были дети), а еще отправляла деньги глубокой осенью, в октябре или ноябре, когда, как ей казалось, всех в мире охватывала депрессия и тоска по теплу и солнцу… «Немного солнца в холодной воде, – любила повторять она и добавляла: – Немного теплых денег в холодную нищету…»

Зоя была в курсе событий всех тех, кого любила, но с кем в силу обстоятельств не могла поддерживать тесные дружеские отношения. У всех были свои семьи, свои заботы, и она не хотела никому из них навязывать свою дружбу, считая, что если даже кто-нибудь из них захотел бы ее видеть, то звонков было бы больше, да и встреч тоже. Однако это не мешало ей активно вмешиваться в их жизнь, помогая им бескорыстно, словно выполняя ниспосланную ей свыше важную миссию. Больше того, где-то в глубине души она была уверена в том, что сама ее жизнь сложилась именно таким образом, а не другим и что она осталась богатой вдовой словно специально для того, чтобы иметь возможность беспрепятственно помогать своим детдомовским друзьям, своей невидимой семье.

– Телефон Марины молчит, – сказал Вик.

– Знаю. Я тоже ей звонила. Думаю, она отключила специально. Чтобы лишний раз не светиться…

– Думаешь, она снова что-то придумала?

– Уверена.

– Ты что-нибудь знаешь?

– Давай не будем… Вик, не надо слепо выполнять ее просьбы. Она девушка горячая, может в сердцах наломать дров, да и вообще, эта ее излишняя эмоциональность, чувствительность… Словно это и не она вовсе. Я не узнаю ее в последнее время.

– А я так ее очень даже понимаю. Я и сам бы не отказался…

– Вик! Перестань! Рано или поздно это все равно откроется, и что она тогда будет делать? Ты только представь себе, какую травму она нанесет сама себе, словно ножом по живому! Я ее предупреждала, как и тебя, между прочим… Разве я – не ваша семья? Да мы втроем – самые близкие и преданные друг другу люди! И не надо искать тепла на стороне, не надо!

– Но ты же искала. И нашла.

– Вик, не путай кислое с пресным. Я любила Семена, это совсем не то… А Марине кто мешает влюбиться, завести семью, нарожать детей?

– Вот! Вот это и будет ее настоящая семья.

– А мы? А я? – обиделась Зоя. – Ладно, Вик. Этот наш вечный спор… Он не закончится никогда. Но я же вижу, что вы с ней совершаете ошибку! И не могу не предупредить, насколько это опасно, да и вообще… глупо! Хотите – обижайтесь на меня, хотите – нет!

– Она попросила меня, а я не могу ей отказать. Я понимаю ее, Зоя. Как никто понимаю. К тому же то, о чем она меня просит, – совершенно безобидные дела, поверь мне.

– Все очень относительно, Вик.

Зоя вскипятила воду, заварила чай, убрала грязные тарелки со стола и поставила перед Виком вазочку с вареньем, тарелку с печеньем и конфетами.

– Что-то мне тревожно на душе… Ну что она такого могла еще придумать, чтобы ей понадобилось отключать телефон? Вот увижу ее, буду говорить серьезно. Открою ей глаза на некоторые вещи, которые она не хочет замечать!

– Земляничное! Помню-помню, как ты целыми днями собирала землянику… Мы тогда еще, помнишь, с Маринкой тебя искали в лесу, а ты заблудилась…

– Это не я, а вы заблудились… Ешь, Вик, ешь на здоровье. Так хорошо, что ты приехал. Не знаю, что тебе мешает вообще перебраться ко мне.

– Работа, – вздохнул он, облизывая ложечку. – У меня только на этой неделе было три продажи, представляешь! Еще с год поработаю и куплю себе ту квартиру, о которой тебе говорил, помнишь? Я ее специально придерживаю, хозяев нет, они в Москву переехали, особо не торопятся… А квартирка – просто шик! Там пять комнат, скажу Марине, чтобы ко мне переселялась, нечего ей такие деньжищи платить за свою квартиру… А там, глядишь, и ей что-нибудь придумаем.

– Я подкину деньжат, не вопрос, я же обещала, – сказала Зоя. – Сейчас еще раз позвоню ей… Может, уже включила телефон?

5

– Ну как, вспомнила что-нибудь?

– Нет, не берет меня гипноз… Все это ерунда.

Она с мрачным видом села на свою кровать. Вопросы соседок начали раздражать ее настолько, что хотелось вообще уже их не видеть и не слышать. Они что, не замечают, как ей плохо? Как она страдает? Задают свои идиотские вопросы: вспомнила, не вспомнила? Наверное, если бы она вспомнила, то как-то уж призналась бы в этом, сказала или вообще заорала на них от радости, что нашла наконец себя.

Как это вообще возможно – забыть, кто такая?

Но самый важный вопрос, который ее мучил: кто и за что хотел ее убить?

Снова приходил следователь, задавал свои вопросы. Говорил, что надо бы поставить охрану, чтобы охраняли палату. Но почему же не ставят? Надеются на то, что убийца (а как еще называть того, кто пырнул ее ножом) уверен в том, что она умерла? Они что, не понимают, что ей страшно, что она вздрагивает каждый раз, когда дверь в палату открывается? Очень странные эти полицейские. Или они думают, что нож в груди – это чьи-то жестокие игры? Нет, это самое настоящее убийство.

А что, если она, к примеру, дочка или жена какого-нибудь богатого, влиятельного человека? Вот тогда бы точно выставили охрану. Людей у них, видите ли, нет. Гады.

Снова приходил психиатр, забирал ее с собой на другой этаж, где его коллега проводил с ней сеанс гипноза. И что? Ничего. Ее организм, ее мозг отказывался принимать помощь такого рода. Нечего, мол, вмешиваться внутрь человеческой памяти, душевного мира. Это божеское дело, а не человеческое.

Она слышала, лежа с закрытыми глазами, как двое врачей, мнящих себя профессиональными психиатрами, разговаривают о ней, как советуются друг с другом. Идиоты. Законченные. Оперируют непонятными терминами, упоминая имена известных, как она поняла, психиатров, «гипнотизеров»… Говорят о ней в третьем лице, как если бы ее и не было в палате. И это сразу после того, как им стало понятно, что она не поддается гипнозу, что она просто тупо лежит с закрытыми глазами и в душе смеется над ними и даже ненавидит их за их самоуверенность.

А еще болит голова. Просто раскалывается. Она несколько раз просила их вернуть ее в палату, чтобы ей сделали обезболивающий укол.

– Ну что, как у вас дела? – спросила сестричка, входя в палату с эмалированным подносом в руках, а на подносе – шприц, ампулы. И вид у этой сестрички беззаботный, она весела, жизнерадостна. А чего ей переживать, не у нее же болит голова. Она вколет сейчас да и уйдет, вернется в ординаторскую и будет пить кофе. Еще, может, выкурит сигаретку-другую.

– Я курила, – вдруг сказала она, обращаясь к сестре, которая, сделав свое дело, уже направлялась к выходу. – Я курила в своей прошлой жизни. И сейчас вот захотела покурить. У вас не найдется сигаретки?

Та остановилась, резко повернулась:

– Найдется. Пойдем.

Она встала, одернула рубашку, набросила халат и под удивленные возгласы соседок выползла за сестрой из палаты. Почему болит тело? Ее что, еще и били? Или это от долгого лежания в кровати?

Пока ждала в коридоре, мимо проходили перебинтованные, с угрюмыми лицами, несчастные больные. Хирургическое отделение. Нет, никаких ассоциаций. Может, Бог ее миловал и она никогда не лежала в больнице? Да и на теле никаких шрамов от операций.

Сестра вынесла ей две сигареты, дала зажигалку.

– Сейчас никого нет, у них собрание, иди под лестницу, это на первом этаже, там, правда, холодновато, но ты же быстро… покури и возвращайся. Я делаю это исключительно для того, чтобы ты покурила и, может, что-нибудь вспомнила. Видишь, первый шаг уже сделан, оказывается, ты курила… ну, иди-иди уже…

И она заговорщицки ей улыбнулась.

6

– Слушай, Аркаша, у меня к тебе одно дело. Важное.

– Понятно, что важное, иначе ты бы не вытаскивал меня сюда…

– Так все равно же обед, вместо того, чтобы перекусывать бутербродами в ординаторской или есть больничный суп, поешь нормальную еду.

Александр Тихий вызвал своего друга-кардиолога Аркадия Рашкина из больницы, где тот работал, в расположенный рядом с клиническим городком ресторан, где заказал куриную лапшу и семгу.

Аркадий – совершенно лысый полный мужчина тридцати пяти лет. Белый халат он снял в гардеробе, оставшись в тонком свитере и джинсах. Очки в золоченой оправе придавали ему законченный интеллигентный вид.

– Саша, что случилось? Ты плохо выглядишь.

– Да как же тут хорошо выглядеть, когда я целую ночь не спал? У меня беда, Аркаша. Я человека сбил позавчера вечером. Я понимаю, что свинья, что нельзя было так тянуть, не говоря уже о том, что я вообще бросил этого человека на дороге…

Он быстро, глядя в тарелку с супом, рассказал о том, что произошло. Потом наконец поднял глаза на Аркадия.

– Ну что, презираешь меня?

– Да какое я имею на это право, Саша? Если бы мы все были идеалистами, то замучились бы презирать друг друга. Кто знает, как я поступил бы на твоем месте. Этого нельзя предугадать, пока не прочувствуешь все это. Знаешь, когда умирает кто-то из твоего окружения и ты говоришь вдове или вдовцу, мол, я так понимаю тебя… Фигня все это. Пока не прочувствуешь подобное, не поймешь. Разве что попытаешься себе представить. Поэтому на мой счет не переживай, повторю, не знаю, как я сам бы поступил. И вообще, чего ты себя клянешь? Ты же вернулся туда, к мосту, и там никого не обнаружил. Значит, никого умирать на дороге, как ты выразился, не оставил. Вернее, ты оставил, но его кто-то уже подобрал. Ты захотел встретиться со мной и посоветоваться, не пойти ли тебе в полицию сдаваться? Однозначно: нет, нет и еще раз – нет.

– Но я так не могу! Надо же что-то сделать для этого человека! Послушай, я долго думал и вот что я придумал. У тебя связи во всех больницах, у нас в городе их не так уж и много. Постарайся узнать, куда именно поступил тринадцатого октября этот человек… Конечно, это нужно сделать очень аккуратно, но ты мужик умный, ты придумаешь… Чтобы никто ничего не заподозрил. Какие травмы бывают при наездах? Черепно-мозговые, ведь так? Ну, может, переломы какие… Пожалуйста, друг, выручи. Узнай.

– Зачем тебе это? Хотя… Я понимаю. Ты хочешь найти этого человека, чтобы помочь, предложить деньги и все такое, так?

– Да, так, – вздохнул Тихий и опустил голову. – А что я еще могу для него сделать?

– Да, странная история… Вот ты сказал, что тебя ослепили фарами, значит, на трассе машина-то была, и тебя могли тоже заметить. Или того человека.

– Да я уже думал об этом. Но вряд ли кто-то из находящихся в машине запомнил мои номера. К тому же машина двигалась с большой скоростью… Знаешь, я даже выматерился, когда он не выключил свои фары, ведь из-за таких вот идиотов и происходят аварии… Ну, сбавь ты свет, зачем посторонним свой характер показывать, вот, мол, я какой, и мне плевать на всех вас…

– Да, ты прав. А если бы ты повернул руль и врезался, к примеру, в дерево? Такое запросто могло случиться, и что тогда? Где искать этого виновника, из-за которого ты потерял управление? Но мы несколько отвлеклись… Вот смотри, какая получается ситуация. Ведь если бы не эти фары, ты не сбился бы с дороги, не крутанул руль и никого не сбил, получается, что ты как бы и не виноват.

– Да я виноват в том, что оставил человека лежать на дороге!

– А ты вообще уверен, что это был человек?

– А кто же еще?

– Может, собака? Или лось, к примеру. В тех краях, где ты живешь, я точно знаю, что водятся лоси.

– Но я же вернулся и не увидел ни лося, ни собаки… Аркадий, мне нужно от тебя только одно. Найди человека, который был доставлен в больницу поздно вечером тринадцатого октября, и все. Остальное я постараюсь разрулить сам.

– Интересно, каким же образом?

– Встречусь с ним и предложу денег.

– А если он принципиальный и захочет тебя посадить? Разные люди бывают.

– Значит, сначала надо будет каким-то образом разговорить его, выяснить, кто он и что, его семейное положение…

– Саша, в первую очередь надо выяснить, насколько серьезны травмы, если такие вообще имеются! И если все серьезно, то тогда и будем думать, как

поступать… Да уж, задал ты мне задачку…

– Извини, друг. Но без твоей помощи я никак.

– Ладно. Успокойся и поешь. У тебя вон уже и суп остыл. Здесь, между прочим, неплохо кормят. А за семгу отдельное спасибо. Она была превосходна. Не знаю, почему бываю здесь редко. Может, потому, что все некогда… Саша, говорю же, успокойся и поешь.

– Когда ты сможешь мне ответить? Как ты думаешь?

– У меня есть один человек, одна девушка, короче, свой человечек, вот у нее точно везде все схвачено. К тому же у нее прекрасно работает голова, и фантазии ей не занимать. Она придумает что-нибудь такое, чтобы выяснить. Честно тебе скажу, я бы не смог, да и по штату мне как бы не положено обзванивать больницы… А она дистрибьютор, занимается лекарствами, медицинской техникой, всех снабжает всем, чем только можно, у нее связи… На редкость проворная девушка и умеет держать язык за зубами.

– Ее, случайно, не Роза зовут?

– Роза-Роза… – покраснел Аркадий. – Однако у тебя хорошая память…

– Так ты же ее на рыбалку брал в прошлом году, такую девушку трудно не заметить… Одна ее грудь чего стоит… – Тихий устало улыбнулся, думая о том, что отныне, возможно, всей его мирной и благополучной жизни может настать конец. И что теперь его, возможно, не скоро будут интересовать женщины и прочие радости жизни. Ему бы только выпутаться из этой истории, только бы заставить молчать свою «жертву».

Аркадий позвонил лишь в восемь вечера. За это время Тихий успел закончить работу с документами, договориться со своим замом о том, что в ближайшее время он, возможно, уедет в командировку и его долго не будет. И все это он проделывал словно во сне, еще не веря в реальность происходящего. Неужели тюрьма? Тогда зачем он все это затеял? Зачем обратился к Аркадию? Зачем разыскивает этого человека? И сам же себе отвечал: чтобы иметь возможность и дальше жить спокойно, зная, что на нем нет крови.

– Есть одна девушка, у нее сильное сотрясение мозга, и она ничего не помнит. Она в Первой городской больнице лежит, в хирургии. Кажется, у нее сломаны ребра… Ты же понимаешь, что расспрашивать о деталях было опасно, поэтому получай то, что удалось узнать, не привлекая к себе внимание. Она лежит в седьмой палате.

– Аркаша… Но как я… туда…

– Не переживай. У меня там, в этой больнице, один мой пациент лежит, правда, у него рука сломана, но я недавно оперировал его… В крайнем случае скажу, что пришел навестить его. А ты вроде как его родственник. Насколько я понимаю, ты должен проникнуть в палату и поговорить с этой девушкой таким образом, чтобы никто из персонала тебя не видел. Ты подъезжай туда. Прямо у входа в хирургический блок и встретимся. И не дрейфь! Главное, что в больницы города не поступало ни одного человека с тяжелыми травмами, а это для нас сейчас самое важное.

– Девушка? Как-то все странно… И чего она могла делать на дороге в такое позднее время?

– Знаешь, не надо исключать, что она могла потерять память до встречи с твоим автомобилем. Потеряла девушка память, шла сама не зная куда, а тут ты… Ладно, не паникуй раньше времени. Давай подъезжай…

Пока ехал в больницу, уже сто раз пожалел о том, что затеял все эти поиски. Как оказалось, он просто не был готов к тому, чтобы разговаривать, что-то объяснять человеку, которого сбил и оставил лежать на дороге. Где он найдет слова, которые могли бы его хоть как-то реабилитировать, хоть как-то оправдать? Трус, подлец, сволочь. Разбил девушке голову, сломал ребра…

У Аркадия, который, припарковав свою машину рядом с машиной Тихого, напротив крыльца в хирургический блок, блестели глаза. Коньячок с лимончиком в компании красавицы Розы. Ничего ему не страшно, ни что права отберут, ни что кровь бегает по жилам с удвоенной скоростью. Выпил, и теперь ему, конечно, хорошо, почти весело. Улыбка до ушей.

– Послушай, ты выглядишь просто ужасно. Я понимаю, конечно, твое состояние и могу предположить, что ты сейчас чувствуешь… Если хочешь, я сам могу пойти к

этой девушке и с ней поговорить.

Они уже входили в тихий, холодный, пустой холл, тихо переговариваясь. Появившийся в стеклянной конторке охранник, увидев Аркадия, кивнул ему, он явно узнал его.

– И что ты ей скажешь?

– Да я вообще могу представиться доктором. То есть я на самом деле являюсь доктором, но скажу, что я прислан из кардиологического центра… Скажу, что видел ее кардиограмму, что она мне не очень понравилась… Да наплету что-нибудь.

Поднявшись по ступеням, Аркадий открыл прозрачную стеклянную дверь, ведущую в длинный белый коридор с палатами. В центре коридора за столиком с горящей яркой лампой сидела дежурная медсестра и что-то читала.

– Аркадий Ильич? Вы? – удивилась она, привставая со своего места и не находя слов. Вероятно, она настолько глубоко провалилась в содержание книги, что с трудом осознала, где вообще находится. – Что-нибудь случилось?

– Мне сказали, что у вас здесь одна девушка лежит, у которой что-то с памятью…

– А… Да, есть такая. Мы зовем ее Мэри.

– Как? Почему?

– Не знаю. Кто-то из врачей, посчитав ее красивой, назвал ее «красоткой Мэри», вот так и прилепилось. А вы что, знаете ее?

– Да нет, просто днем не успел прийти, у нее не очень хорошая кардиограмма… Хотел просто поговорить… Сегодня кто дежурит?

– Марк Григорьевич, да только его сейчас на этаже нет, он… – она запнулась. – Он на четвертом этаже, чай пьет.

– Ясно.

– Позвать его?

– Нет-нет, ни в коем случае! Я сам хирург, знаю, как иногда полезно ночью поспать…

Тихий смотрел, как подвыпивший Аркадий бездарно разыгрывает комедию перед медсестрой, и понимал, что его другу на этом свете живется значительно легче и что он на самом деле, наверное, никогда не унывает. Хотя, быть может, он ведет себя так потому, что его-то самого история с наездом никак не касается. Интересно, как бы он повел себя, если бы с ним случилось такое. Да, очень интересный вопрос.

Тихий же нервничал так, как если бы он заранее знал, что сбил человека насмерть. Его всего колотило, он и без того-то презирал себя за свой поступок, а тут еще и такая постыдная реакция. Надо бы взять себя в руки.

– Пойдемте, я вас провожу… – Она подозрительно, как показалось Тихому, взглянула на него.

– А это со мной, коллега, – широко улыбнулся Аркадий, приобнимая симпатичную сестричку за талию. – Людочка, ты с каждым годом все хорошеешь и хорошеешь…

– Вообще-то меня зовут Лада…

– Ах да, извини… Послушай, Ладочка, сейчас девять вечера, больные отдыхают, некоторые уже спят. Может, ты вызовешь эту девушку, Мэри, в коридор, и мы побеседуем с ней вот здесь, в холле, на диванчике?

– А она одна в палате, одну соседку перевели в гастроэнтерологическое отделение, у нее открылась язва, а другую отпустили домой, помыться… Так что можете спокойно к ней зайти, никого не потревожите. Вот, пришли. Я вам нужна?

– Нет-нет, спасибо, милая.

Аркадий подождал, пока сестра отойдет от них на несколько шагов, после чего тихонько постучал в дверь палаты. Услышал тихое «да» и открыл дверь.

В палате горел ночник. Справа от окна, на огромной хирургической кровати кто-то лежал, прикрытый до подбородка одеялом.

– Вы только не бойтесь, я врач, – тихо произнес над ухом Тихого Аркадий, и тотчас раздался отчаянный женский крик.

7

Решив, что Марина могла просто-напросто вернуться к себе домой, в Камышин, к матери, по каким-то своим причинам, Максим Караваев, сильно досадуя на себя за то, что в свое время не поинтересовался домашним телефонным номером дочери, попросил своего друга, служащего в полиции, помочь ему в этом вопросе.

– Послушай, Сава, я твой должник, – благодарил он его по телефону, разглядывая только что нацарапанный им на листке бумаги заветный камышинский номер. – Что ни говори, а иногда и от полиции бывает толк.

– А я уже давно не работаю в полиции, вернее, тогда еще она была милицией, когда я уволился, – сообщил ему Савелий Головко, и в голосе его Максим уловил какую-то даже радость. Или же ему это только показалось?

– А чего так радуешься? Где же ты тогда обитаешь?

– Занимаюсь частным сыском, работаю, так сказать, на себя.

– И как? Не прогадал?

– Да ты что?! Ты не представляешь себе, сколько у меня клиентов! Люди богатеют, сами не знают, чего хотят. Мужья заказывают слежку за женами, жены – за мужьями, потом разного рода информацией интересуются, прежде чем взять кого-нибудь партнером в свой бизнес. Люди стали умнее,

осторожнее…

– Значит, если что, и я могу обратиться к тебе за помощью?

– Без вопросов. Всегда помогу и скидку тебе сделаю.

Максим попрощался с Савелием и, набравшись решимости, позвонил в Камышин.

Много лет тому назад, в своей прошлой жизни, он без сожаления расстался с женщиной, которую не любил, но с которой, однако, прожил целый год под одной крышей. Ее звали Галина. Он знал, что и она его тоже не любит и что живет с ним уже давно по инерции, но разорвать отношения никто из них первым не решался. Оба учились, встречались дома лишь поздно вечером, молча ели и ложились спать. И в один прекрасный вечер Максим не вернулся домой, заночевал у другой женщины, да так потом у нее и остался. Она была старше его на целых десять лет, ничего от него не требовала, возможно даже, любила его. А Галина, узнав об этом, написала ему письмо, в котором говорилось, что она уезжает и что ей жаль потраченного на него времени. Еще сообщила, где он сможет взять свой багаж. И долгое время он о ней ничего не слышал. И вот в прошлом году, совершенно случайно, их общий знакомый, Егор Гольцев, который был в его городе проездом, сообщил Максиму, что у него растет дочь. Вернее, что уже выросла, стала настоящей красавицей. Что ей уже двадцать четыре года, она живет с матерью и отчимом в Камышине. И что, скорее всего, даже и не знает, кто ее настоящий отец.

Максим тогда несколько ночей не спал, все представляя себе, какой должна быть его дочь. Какие у нее глаза, какое лицо, волосы, характер. А потом сел на машину и поехал в Камышин, разыскал семью Галины, встретился с ней. Она сильно изменилась, но выглядела очень молодо. Ухоженная, хорошо одетая, она вела себя с ним надменно, хотя и призналась в том, что дочь действительно его, да только ей ни к чему это знать, что она знает другого отца, который вырастил ее. И что ни к чему ее травмировать. И что если он хочет ей добра, то должен молчать. Знакомая история, таких историй – сотни, если не тысячи.

– Ты пойми, Караваев, у тебя своя жизнь, у нас – своя. И тебе нечего делать в нашей жизни. У нас семья, у нас все хорошо, и мы в тебе не нуждаемся. И никогда не нуждались. И если хочешь иметь дочь, то сначала роди ее, воспитай, а потом уже и считай своей, родной. А так… Подумаешь, переспали, сделали

девочку… Не такой уж и большой труд. Ты себе не представляешь, как ее любит ее настоящий отец, да-да, именно – настоящий! Он взял Мариночку впервые на руки, когда ей было всего несколько месяцев… Он знал, что у нее есть биологический родитель, но ему было все равно. Он любил меня, а потому полюбил и ее. Всем сердцем. Словом, ты меня понял…

– Дай хотя бы посмотреть на нее!

– Ни к чему это. Я же говорю, хочешь травмировать девочку – действуй. Докажи, что ты – страшный эгоист. Давай, давай! Что тебе с того, что ты узнал о ее существовании? Как жил без нее, так и дальше будешь спокойно жить…

– Ты записала ее на мою фамилию…

– Я подумала, что это будет правильно.

– И как же тебе это удалось?

– Знакомая паспортистка. Да ты знаешь ее, Танька, толстуха с третьего этажа, помнишь? Все лицо в веснушках. Оказывается, она была влюблена в тебя…

– А ты? Ты меня любила?

– Дурак ты, Караваев.

Вот тебе и холодная женщина, злая, жестокая, с рыбьей прозрачной кровью. Не поймешь этих баб…

Все равно хорошо, что они расстались тогда, давно. Все равно бы ничего не получилось, даже знай он о ее беременности.

Однако о существовании своей дочери, да к тому же еще и носящей его фамилию, он не забывал, постоянно думал о том, сколько мог бы сделать для нее за все эти годы, и не придумал ничего другого, как снова поехать в Камышин и с помощью того же Егора Гольцева раздобыть паспортные данные Марины, с тем чтобы открыть ей банковский счет. И с тех самых пор Максим ежемесячно отправлял своей дочери деньги. О существовании этого счета

Марина должна была узнать от Гольцева…

Вот, казалось бы, деньги. Он ни на что не надеялся, когда переводил их дочери, а она оценила. Взрослая девочка, подумала хорошенько и решила, что лучше иметь двух отцов, чем одного. А может, просто интересно стало посмотреть на своего родного отца. Как бы то ни было, но она к нему приехала. Не то чтобы бросилась на шею, но не была такой уж холодной, как ее мать. Дала себя обнять, сказала, что все понимает, что не осуждает его, ведь он не знал о ее существовании. И что благодарна за те деньги, что он ей высылал. Хотя они ни в чем не нуждаются. Семья живет в достатке, у них большой дом, отец уже много лет успешно выращивает грибы, теперь вот занялся разведением свиней. На редкость предприимчивый и удачливый человек.

Она оказалась хорошенькой, с чудесной улыбкой. Ему показалось даже, что Марина похожа на его, Максима, мать.

Сначала просто посидели-поговорили в ресторане, куда он ее пригласил. Потом она вернулась в свой Камышин, и они просто перезванивались. А потом Максим взял да и предложил Марине переехать к нему жить. Сказал, что поможет ей с работой. Что он хотел бы сделать для нее что-нибудь в этой жизни. Она сказала, что подумает. Целая неделя у нее ушла на то, чтобы уговорить свою мать отпустить ее. Аргументов для переезда было совсем мало: большой областной город да хлипкий шанс с помощью отца постепенно перебраться в Москву, где уже жила сводная сестра Марины… Но мать все-таки отпустила ее. Может, навела справки о Караваеве, узнала, как он поднялся. А может, отпустила в надежде, что Марина перестанет завидовать своей сводной старшей сестре (дочери отчима), которая уже три года как проживала в столице и работала юристом в крупной нефтяной компании. Правда, ее карьера устроилась исключительно благодаря стараниям и связям ее родной матери, бывшей жене отчима.

И вот Марина приехала к нему. Два чемодана, сумка. Вера, жена Максима, встретила ее настороженно…

Услышав длинные гудки, Максим напрягся. Хоть бы он услышал голос Марины. Или трубку возьмет Галина? А может, вообще ее муж?

– Алло, добрый вечер. Я могу услышать Марину?

– Да… Это я, – услышал он совершенно незнакомый голос.

– Марина, это ты? Ты что, не узнаешь меня?

– А вы кто?

– Ты что, не узнала меня? Я же твой папа, ты чего?! Марина!

Ему вдруг показалось, что он разговаривает с совершенно чужим человеком. И дело даже не в самом голосе, который мог измениться из-за больного горла, к примеру. Он почувствовал, что попал не туда. Что промахнулся.

– Это квартира Терновских?

Терновский – это была фамилия отчима Марины, Михаила, второго мужа Галины.

– Да… А вы кто?

– Вообще-то я отец Марины Караваевой, меня зовут Максим Караваев…

Он, произнося эти слова, чувствовал себя настоящим идиотом. Ну кто там взял трубку? Что еще за дурацкий розыгрыш?

Трубку положили. Решили, что разговор окончен. Так вот по-хамски.

Он вдруг подумал, что трубку могла взять, скажем, родственница Терновского. Или вообще домработница, какая-нибудь хамоватая крестьянка, которая спит и видит, как насолить хозяевам.

Максим поехал в Камышин. Дверь открыла Галина. Глаза злые-злые.

– Тебе чего надо?

– Где Марина?

– Я тебе уже все объяснила.

– Да что с вами такое? Какие вы люди после этого? Ты мне только скажи, с ней все в порядке?

– Абсолютно.

– Она дома?

– Нет, на работе.

– В дом, значит, не пригласишь?

А дом на самом деле был большой, красивый, ухоженный. И Марина, судя по всему, в его деньгах не особенно-то и нуждалась. Надо же, простить они его не могут. Да за что? И что это за игры такие? Приехала, уехала, наплевав на его чувства…

– Ты нам совершенно чужой человек, Макс.

Лицо – непроницаемо. Как маска. И сколько подобных масок она хранит в своем туалетном столике, чтобы скрывать свои подлинные чувства? На все случаи жизни? Какая же она фальшивая, искусственная…

– Ты мне только скажи, когда ты видела Марину в последний раз. – Он уже терял терпение.

– Сегодня утром. Овсянку ей варила. Что еще?

– Послушай, не надо вычеркивать меня из вашей жизни. Я вам еще пригожусь… Между прочим, и ты могла бы мне сообщить в свое время, что беременна или что родила. Я же ничего не знал. Ты же знаешь меня, я бы помогал.

– Да знаем мы, какой из тебя помощник… – Она презрительно фыркнула.

Он уже ничего не понимал. Марина ей что, ничего не рассказала о нем? О том, что он состоялся, что у него есть свое дело, деньги, что он богат, наконец?!!

– Но я присылал деньги, может, и с опозданием на двадцать лет… – пробормотал он, краснея от нахлынувших стыдных чувств. Она что же, надеется, что он и дальше будет вот так стоять на пороге ее дома и унижаться. – Ладно, бог с вами, не хотите меня видеть, не надо. – И он в сердцах, с силой хлопнул ладонью по двери, как бы ставя точку.

8

В палате стоял какой-то странный запах. Молочный, теплый и одновременно кисловатый.

Она обошла пустую палату (соседки исчезли на время), принюхиваясь, как собака.

Интересно, в ее прошлой жизни была собака? Или кошка?

Открыла тумбочку, стоящую по левую сторону от ее кровати, там хранила свои вещи соседка с грыжей. И увидела то, что в общем-то и ожидала увидеть. Упакованный в мокрый зеленовато-белый пергамент брусок творожной массы.

Значит, она не ошиблась, и в палате на самом деле пахло творогом.

Она вернулась к себе, легла, вытянулась на кровати и закрыла глаза. И вдруг четко увидела картинку: залитую ярким солнечным светом базарную площадь с рядами лотков с фруктами и овощами, какие-то знакомые как будто бы лица женщин, их улыбки, даже услышала их голоса, предлагающие ягоды, свежее деревенское молоко, клубнику… И розовощекую молодую женщину, сидящую на низкой скамейке перед большим деревянным ящиком, застеленным белой вышитой скатеркой, а на нем – ведерко с творогом и баночки со сметаной. С деревенской сметаной.

Где она видела этот творог, этих людей, эту площадь? И почему ей так хочется туда, купить хотя бы немного творога.

Она так разволновалась, что снова села на кровати, подобрав под себя ноги. Но потом, опомнившись и скорчившись от боли, швы-то еще не зажили, снова опустила ноги, тяжело вздохнула.

Какую мирную картинку она только что увидела. И как много было солнца. Сейчас, говорят, октябрь, когда еще вернется тепло, солнце?

Может, зря она тогда так напряглась и не позволила дать расслабить себя гипнозом. Чего она добилась тем, что спряталась за созданной ее же воображением броней? Надо было расслабиться и постараться все же что-нибудь вспомнить. Кто знает, будут ли врачи снова пытаться взломать ее память.

Охрану так и не поставили. Уже третий вечер она здесь, в больнице. А что, если ее ищут? Может, она преступница и сама кого-нибудь убила? Или предала? Может, изменила мужу, жениху или любовнику?

Мужчины в ее сознании никак не вырисовывались. Больше того, она почему-то испытывала к ним стойкое неприязненное чувство. А может, она убила мужа, которого презирала, а кто-то решил ей за него отомстить?

Вариантов предполагаемых мотивов покушения было сотни.

Она дремала, когда в коридоре послышался какой-то шум, она различила какие-то голоса, один из них – мужской. Обход закончился часа два назад. Потом она услышала шаги. Кто-то шел в направлении ее палаты. Шаги становились все отчетливее, и шел явно не один человек. Ну вот, собственно, и все. Сейчас откроется дверь, войдут люди и закончат то, что не закончили там, на грязной дороге…

Она встала, боль сразу же огненными вспышками прошила всю грудь. Она спряталась за дверь за мгновение до того, как тихо постучали. Она и сама не могла понять, как ответила «да». Хотя что изменилось бы, если бы она промолчала. Те, кто пришел за ней, знали, что она здесь. Может, когда они откроют дверь, ей удастся выскользнуть и позвать на помощь?

Но тут ей стало так плохо, что она, оттолкнувшись от стены, сделала пару шагов и повалилась на кровать, забралась под одеяло и притихла. Пусть убивают.

Дверь открылась, и она услышала:

– Вы только не бойтесь, я врач.

Их было двое. Врачи, как же. И она, набрав в легкие побольше воздуха, закричала. Что было силы.

Мужчины, войдя в палату, растерянно переглянулись. Прибежала дежурная сестра:

– Эй, ты чего кричишь-то? Всю больницу перебудишь! Кардиолог к тебе пришел… Чего панику устроила? В психушку, что ли, захотела?

– Извините… – пробормотала она, чувствуя, как по вискам ее струится ледяной пот. Это был страх. Животный, самый настоящий. Страх смерти.

Сестра ушла. Один из мужчин сразу же вышел следом, а другой включил свет, и она сразу же зажмурилась.

– Зачем вы включили свет? Глаза режет…

– Послушайте, мне нужно с вами поговорить.

– Вы кто?

– Подождите… Постарайтесь не задавать мне вопросы. У меня очень мало времени. Я хочу вам помочь.

– Очередной гипнотизер? – Она презрительно сощурила глаза. – Кто вы и что вам от меня нужно?

– Понимаете, мне сказали, какая у вас беда. Что вы потеряли память… Дело в том, что в вашей беде могу быть виновен я.

– Что-о-о? Подайте мне полотенце…

Он дал ей полотенце, висевшее на спинке стула, и она промокнула им мокрое от пота лицо. Она была так слаба, что едва говорила.

– Тринадцатого октября поздно вечером, было уже достаточно темно, я ехал на своей машине в сторону Бобровки, машина, ехавшая мне навстречу, ослепила меня фарами, и я крутанул руль… Словом, это я, наверное, сбил вас… Вот.

От удивления она окаменела. Не знала даже, как и реагировать.

– Хочу признаться, что я сильно испугался, – между тем продолжал мужчина. – И даже доехал до дома. По сути, оставил вас на дороге. Но потом вернулся, я вернулся, но вас там уже не было. Прошло самое больше полчаса. Вас подобрали, вы не знаете, кто вас привез?

– Какие-то люди, они проезжали мимо на машине… Но дело было днем, а не вечером, это я точно знаю… И они нашли меня не на обочине, а в канаве… Вы что, пырнули меня два раза ножом в грудь? – горько усмехнулась она, в душе оценивая благородный, хоть и с опозданием, порыв незнакомца.

– Что? – Мужчина и без того был бледен, а после этих слов его лицо просто побелело. – Какой еще нож? Вы что? У меня не было ножа, я ничего такого не делал!!!

– Да успокойтесь вы… Вы не сбивали меня. Насколько мне известно, меня нашли на Усть-Курдюмовской трассе, а Бобровка совсем в другой стороне, еще ближе к Волге…

– Так, значит, это не вы? Я не вас?..

– Сто процентов. Разве что вы все это сейчас придумали, чтобы подойти ко мне поближе и еще раз пырнуть ножом, уже прямо в сердце… Те два удара были не совсем точными…

– Что вы такое говорите?

– У меня очень болит голова. Вы испугали меня. Я-то подумала, будто бы меня пришли добивать, понимаете?

– Кто?

– Послушайте, какой же вы бестолковый! Меня хотели убить, зарезали и выбросили из машины в канаву. А я осталась жить. То есть меня не добили, понимаете? И откуда же мне знать, кто был этот человек или эти люди, если я ничего не помню!

– У вас травма головы, – сказал мужчина, словно только что вспомнив это.

– По предварительным данным, меня сперва огрели чем-то вроде бейсбольной биты, а потом уже нанесли удары ножом… Послушайте, у меня от этих слов, связанных с ножом, раны еще сильнее начинают болеть. А кто тот, второй мужчина, который вышел из палаты?

– А… А это настоящий кардиолог. Мой друг. Хороший очень человек. Просто он помог мне, привел сюда… Я хотел найти вас, то есть того человека, которого я предположительно сбил позавчера, чтобы договориться с ним, дать ему денег.

– Нет, успокойтесь, вы – не мой случай.

– Но в больницу в нашем городе больше никто не обращался, никого не привозили, и трупов тоже не было…

– Возможно, вы сбили какое-нибудь животное… или вообще наехали на мешок с мусором или с мукой, да мало ли…

– Послушайте, но как же вы… Ничего не помните. А ведь вас кто-нибудь ищет… – Мужчина оживился, точнее, ожил, с него после ее слов явно свалился огромный психологический груз. – Чем я вам могу помочь?

– Вы не обязаны мне помогать.

– Давайте хотя бы познакомимся. Моя фамилия – Тихий.

– А моя – Громкая, – она улыбнулась пересохшими губами.

– Серьезно, меня зовут Александр Тихий. Вот такая спокойная и тихая фамилия.

– А я вот не знаю своей фамилии.

– Ничего, какие еще ваши годы. Обязательно вспомните. Скажите, чем я могу вам помочь?

– Вы уже спрашивали. А чем мне можно помочь? Разве что расшевелить мою память. Но как это сделать? Вы же понимаете, что я хочу этого больше всего на свете. Вернется память, вернутся все те, с кем я жила, кого любила, кто любил меня. И все они расскажут мне обо мне, какая я была и что такого сделала в своей жизни, за что меня захотели убить. Главное, чтобы не выяснилось, что я преступница и сама кого-то убила. Хотя, – она снова улыбнулась, – я подолгу рассматриваю себя в зеркало, и мне почему-то кажется, что я все-таки не преступница, а совершенно нормальный человек.

– Память… Ну, если вы не можете вспомнить никого из ваших близких людей, то пусть они увидят вас…

– Что вы имеете в виду?!

– Могу предположить, что вы – местная. А у меня друг работает на телевидении, и он уж точно поможет нам… то есть вам. Мы сделаем репортаж, покажем его в вечернее время, вас увидят, и уж тогда точно вас узнают и приедут за вами.

– В том числе и мой убийца, – заметила она.

– А мы вас спрячем.

– Куда? Я так рассчитывала, что рядом с моей палатой поставят охрану, но, как видите, сюда может войти кто угодно.

– Да, заметил… Но я могу вас взять к себе домой! На самом деле! И уж там-то вас точно никто не найдет. А если объявятся ваши родственники, то я передам вас из рук, так сказать, в руки.

– Но убийца тоже может назваться моим родственником… Боже, я сама не знаю, чего хочу.

– Хорошо, я все обдумаю, потом сообщу вам. У вас есть телефон?

– Откуда?! Конечно нет. Если бы был, то в нем можно было бы найти нужные мне номера…

– Да-да, вы правы… Но я все равно свяжусь с моим другом-телевизионщиком, вы ведь не против?

– Нет, не против… Нужно же как-то действовать…

– Я вижу, у вас глаза закрываются.

– Я приняла снотворное…

– Извините, я уже ухожу.

– Спасибо вам.

– Да за что? Я же ничего для вас еще не сделал?

– За то, что вы такой, какой вы есть… Что искали и нашли человека, которого, как вы говорите, сбили…

– Да я трус по большому счету.

– Бросьте. Не стоит на себя наговаривать.

– Ну, хорошо. Спокойной вам ночи, Мэри.

– Как вы меня назвали?

– Ох, извините, так вас называют медсестры… Просто придумали такое вот имя… Но я вам ничего не говорил… – Он улыбнулся, и она почувствовала, как в груди ее что-то шевельнулось, потеплело. – Вам свет выключить?

– Да, пожалуйста. Спокойной вам ночи, господин Тихий.

Он ушел, тихо прикрыв за собой дверь.

Она закрыла глаза и тотчас увидела лицо девушки. Лицо удивленное и вместе с тем напуганное. Потом оно исчезло, и появилась каменная серая стена дома, увитая цветущими розами… Все это стало темнеть, и она очень быстро утонула в спасительном глубоком сне.

9

У нее есть еще целых пятнадцать минут, чтобы накрыть на стол к ужину. Макс позвонил и сказал, что купит по дороге вина. Вот и отлично. А у нее готова курица, которую она запекла с травами, зеленый салат, фаршированные брынзой перцы. Все, как он любит.

Вера постелила на стол льняную красную скатерть, расставила приборы, все приготовила и бросилась в спальню, к зеркалу, чтобы причесаться, подкраситься. Сняла домашнее платье, переоделась в брюки и блузку. Вернулась в гостиную и вдруг поняла, что накрыла стол на троих. Как еще недавно.

Послышался звук отпираемых дверей, она бросилась встречать мужа.

– Макс!

Он вошел, пахнущий осенью, дымом тлеющих листьев, которым был окутан весь город, туманами. Такой красивый, такой родной. Вера обняла его, прижалась к нему.

– Рада, что ты сегодня не задержался. Давай раздевайся, мой руки, все готово.

Она не могла не заметить, что он чем-то расстроен. Обычно такой веселый, бодрый, сейчас он выглядел глубоко несчастным.

– Макс, что-нибудь случилось? – Она заглянула к нему в ванную. – У тебя такое лицо…

– Нет-нет, Верочка, все хорошо. Просто устал и голова болит.

Почему так? Когда человек скрывает что-то, то вечно прикидывается, будто у него болит голова. И что он устал. Нет, вечером усталость – естественное состояние. Особенно если работы много, когда вокруг тебя люди, какие-то возникающие постоянно проблемы: кредиты, поставки, работа с партнерами, клиентами, подчиненными…

Ну и ладно, не хочет говорить и не надо. Потом-то все равно расскажет. Не выдержит. Он хороший, Макс, очень душевный, добрый. Вера была его женой недавно и до сих пор не могла привыкнуть к своему счастью. Что он принадлежит ей и только ей. То, что он ей не изменяет, – это факт. Неоспоримый. Ей повезло, что он не входит в те девяносто девять процентов полигамных мужчин. Он – моногамен и любит только ее. Она два раза нанимала частного детектива, чтобы проверить это, потому что просто не верилось, что такой красивый, импозантный и очень богатый мужчина не ходит налево. И результаты потрясли ее, заставили поверить в настоящую любовь. Он целый день занимался только работой и ни с какими женщинами не встречался. И никому не звонил. Разве что ей. И в магазины заходил, чтобы купить подарки для нее. Макс был для нее любимым и просто идеальным мужчиной. Быть может, поэтому она и бровью не повела, когда он привел в дом взрослую дочь, хотя и поняла, что теперь часть его внимания будет переключена на эту девицу.

Марина оказалась спокойным, уравновешенным и очень доброжелательным человеком. И, что немаловажно, не была назойлива в плане общения. С самого утра до позднего вечера ее вообще дома не было, она работала в банке. Вечером ужинали все вместе, втроем, потом как-то дружно прибирались на кухне, после чего Марина шла в свою комнату, занималась своими делами: смотрела телевизор, играла в компьютерные игры, что-то шила, вязала… Вера же с Максимом проживали вечер вдвоем, как и прежде, до появления в доме Марины. Правда, время от времени Максим все-таки заглядывал к дочери, они о чем-то разговаривали. И видно было, как они оба счастливы тем, что обрели друг друга.

Она знала, что о ее существовании муж узнал не так давно, от кого-то знакомого. И что сильно понервничал, даже сон потерял, несколько ночей курил на кухне. А потом поделился с ней и сказал, что чувствует себя обязанным этой

девочке, что надо бы разыскать ее и помочь. Может, она нуждается в чем, может, ей учиться надо… Но все сложилось самым приятным образом: Марина, узнав об отце, сама приехала к нему и согласилась пожить с ними какое-то время. Правда, непонятно, кто помог ей устроиться в банк… Скорее всего, все-таки Макс. Или же она перевелась из своего города, Камышина, кажется, сюда, в областной город, из филиала этого же банка… В сущности, это было не так уж и важно. Главное, что она не требовала к себе какого-то особенного внимания, ни с кем не конфликтовала, а вела себя так, словно она уже давно живет с ними и любит их.

…Максим сел за стол на свое место, взял в руки пульт, включил телевизор. Вера засуетилась, ставя перед ним тарелки с горячей едой.

– Представляешь, накрыла на троих… Значит, придет твоя Марина. Макс, кушай…

– Вера, она так и не позвонила. И телефон ее молчит. Я был сегодня в полиции, но мне отказали, не приняли заявление о пропаже человека. Не понимаю я эти законы. Сколько людей можно было бы не потерять или спасти, если бы заявления принимали сразу же, когда близкие пропавших начинали бить тревогу. Вот скажи, Вера, если бы я, к примеру, не пришел ночевать и завтра утром тоже не объявился бы, не позвонил, ты что, не пошла бы в полицию? А?

– Конечно, пошла. Потому что знаю тебя, знаю, что ты не можешь вот так взять и исчезнуть… Что даже если, не приведи господь, завел бы себе другую женщину, то все равно позвонил бы, сказал мне об этом, ведь так?

– Господи, Вера, ну что такое у тебя в голове?! Я же серьезно? Какие женщины, о чем ты? – Лицо его исказилось, словно от боли. – Я имею в виду более серьезные вещи, понимаешь? Марина – пропала. Она исчезла. И я не знаю, что мне теперь делать. Мое заявление смогут принять только завтра.

– А ты знаешь телефоны ее подруг, знакомых?

– Да нет, конечно! Я вообще, ты же знаешь, почти ничего о ней не знаю. И если у нее и были знакомые или подруги, то, скорее всего, в Камышине. Хотя она могла бы подружиться с кем-нибудь из банка…

– А ты звонил в банк?

– Я был там, разговаривал с руководством, Марина пропала, им тоже не звонила. Все трезвомыслящие люди понимают, что надо менять закон, что надо что-то делать, чтобы полиция подключалась сразу… Уф… Но у меня есть один человечек, Головко. Я снова обращусь к нему… Может, он разыщет ее.

Он что-то от нее скрывал. Она почувствовала это. Но знала, что рано или поздно все равно все расскажет. Вот только что? Вероятно, это связано с Мариной. Может, с ее матерью?

– Я понимаю, ты очень расстроен… Но она найдется, вот увидишь!

– Послушай, Вера, вот скажи, ты это просто так говоришь? Скажи, ты сама-то веришь своим словам? Найдется! Да если бы она была жива-здорова, уж, наверное, позвонила бы, дала о себе знать. Отправила записку, я не знаю… Ты же знаешь ее, она – девушка вполне адекватная, умная, она многое понимает и умеет в этой жизни. Мы с ней нашли друг друга не для того, чтобы снова потерять.

– Кажется, я понимаю… Ты звонил в Камышин? Этой, своей бывшей?.. – вдруг догадалась она.

– Да я ездил туда! – воскликнул он, с раздражением отодвигая от себя тарелку.

– И что, она там?

– Вера, ты меня сегодня удивляешь… Если бы она была там, стал бы я так расстраиваться, волноваться? В том-то и дело, что ее там нет, ее мать сказала, что давно уже ее не видела, с тех самых пор, как она переехала ко мне. И теперь я несу за нее ответственность перед ее матерью, понимаешь? Значит, не уберег, не уследил!

– Она – взрослая девочка, ей уже двадцать четыре года!

– Да все понятно… – Он махнул рукой, снова придвинул к себе тарелку и принялся есть.

В дверь позвонили. Вера вскочила и бросилась в переднюю. Посмотрела в глазок, увидела человека в зеленой форменной куртке с букетом цветов.

В другой день она не удивилась бы, потому что примерно так же выглядели все те посыльные, которые доставляли ей букеты, которые заказывал для нее Максим. Но только не сегодня… Нет, произошла какая-то ошибка. Они что-то напутали там, в цветочном магазине.

Она открыла дверь.

– Вы ошиблись… – начала она, но парень, улыбнувшись ей, протянул букет.

– Вы же Караваева Вера? Можете даже не отвечать, я вас помню. Вот, пожалуйста, распишитесь.

– От кого эти цветы?

– Не могу знать, – посыльный улыбнулся белозубой улыбкой, и Вера подумала, что улыбка эта у него явно не дежурная, что он сам по натуре такой вот веселый парень. Знал бы он, что она сейчас испытывает…

– Ясно. Ну, ладно… Если потом выяснится, что в магазине перепутали адрес, то я готова вам буду отдать букет… Я же понимаю, это очень дорогое удовольствие.

– Никто ничего не перепутал! – Он подмигнул ей, захлопнув свой блокнот, и дурашливым жестом отдал ей честь, прощаясь с ней, как со старой знакомой.

– Вера, от кого это? – услышала она над самым ухом и обмерла. Макс стоял за ее спиной. Конечно, разве мог он оставаться на месте, за столом, когда он каждую минуту ждет возвращения дочери или же новостей о ней.

– Разве не от тебя? – Она почувствовала, как краснеет. – Вот, принесли… Ты же видел… Посыльный. Я спросила его, от кого…

– Но я не посылал тебе цветы.

– Не знаю…

– Вера, послушай, что вообще происходит?! То на тебя нападают и целуют тебя насильно, да так, что прокусывают губу, то теперь вот эти цветы… У тебя что, роман? Ты уж скажи мне, своему мужу… Знаешь, говорят же, беда не ходит одна…

– Пришла беда – отворяй ворота, – она едва разлепила губы. – Макс, я не знаю, что тебе сказать. А ты что бы сказал, если бы достал из кармана пальто женские трусики? Вот подложили тебе, а ты пришел домой, сунул руку в карман за перчатками, рядом стоит жена, вынимаешь перчатки, а на пол падают розовые такие, в кружевах женские трусики… Скажи, как бы ты себя повел? Наорал бы на меня? Или принялся бы что-то объяснять, и это при условии, что ты действительно невиновен, что ты понятия не имеешь, как они у тебя оказались…

– Вера, у тебя все в порядке с головой? – вдруг заорал он на нее, да так, что у нее заложило ухо. – Какие еще женские трусы? Ты спятила?

Она оттолкнула его и бросилась вон из передней, заперлась в туалете и разрыдалась. Да он не любит ее! Совсем! Так орать! За что? Она же ему ясно сказала, что она ни при чем, что она не знает, от кого цветы!

Она сидела на краешке ванны в надежде, что Макс постучит к ней, что извинится, попросит ее открыть дверь, признается, что обидел ее сгоряча, что все это от любви, ревности. Что он просто не мог не отреагировать на эти цветы, на прокушенную губу… Но губу ей на самом деле прокусили. Какой-то ненормальный. Может, на спор, может, просто сумасшедший… Или ее перепутали с кем-нибудь. Может, с Мариной? Букет. Кто мог так потратиться? Кто? И зачем?

Максим так и не пришел. Но минут через двадцать она сама успокоилась. Слезы высохли. Надо же было как-то жить дальше. Не ночевать же она будет в ванной комнате. Рано или поздно ему все равно придется поверить ей. Не в постели же с любовником ее застукали, в самом-то деле.

Она вышла, открыла дверь в гостиную. Максим сидел на диване и смотрел невидящим взглядом на экран телевизора. Экран был огромный, передавали новости. Но она знала, чувствовала, что он ничего не видит и не слышит, что он ослеп и оглох, что ему плохо.

– Макс, – прошептала она, присаживаясь к нему и обнимая его. – А может, нас просто кто-то хочет поссорить?

10

Вик заглянул в кабинет Зои:

– Слушай, я как ни приеду, ты за компьютером, и на экране открыта одна и та же страница – твоя, банковская. Уверен, что твой стул еще теплый от тебя. Ты скоро станешь нищей, дорогая, если будешь с такой скоростью рассылать свои денежки.

– Ты прав, я на самом деле сегодня целый день за компьютером. Сначала смотрела погоду, потом фильм один нашла, старый, так заностальгировала, получила удовольствие от просмотра.

– Как называется?

– «Шербургские зонтики».

– Что, на классику потянуло?

– Нет, просто там такая музыка… Да и Катрин Денев хороша, совсем молоденькая. Знаешь, это почти опера…

– Мюзикл, я бы так сказал. Давай я. – Вик подошел к Зое, которая мешала тлеющие поленья в камине гостиной, взял у нее кованую чугунную кочергу и принялся энергично орудовать ею. – Как же хорошо у тебя, тепло. На улице такая мерзкая погода. Так кому ты на этот раз отправила?

– Вале, у нее огромный долг за квартиру накопился. Да и с работы ее уволили, фирма обанкротилась…

– Ясно.

– Марина пропала. Я уже не знаю, что и думать. Надо в полицию идти, Вик. Надо действовать. Подключать частных профессионалов, искать ее. У тебя есть телефон ее отца?

– Есть. Но я пока туда не звонил. Подумал, что преждевременно. Я же не знаю всех ее планов. Кое во что она меня посвятила…

– Да знаю я все это. У тебя-то как дела?

– На завтра назначена еще одна продажа. Трехкомнатная шикарная квартира. Я должен заработать около ста тысяч.

– Поздравляю. У тебя легкая рука.

– Не знаю, какая у меня рука, но квартира прямо-таки нарасхват. Я трем покупателям устроил что-то вроде аукциона – кто больше даст. Они сначала не верили, но потом, когда я свел две семьи и они поверили, что квартира может уйти, цена сразу же поднялась. Короче, ты поняла, чем все дело кончилось.

– Мне, что ли, еще одну квартиру купить?

– Купи. У меня для тебя на примете есть кое-что… Хозяина, кажется, посадили, его жена будет продавать. Это мне сорока на хвосте принесла… Если надо…

– Ладно, Вик, потом поговорим. Сейчас меня интересует Марина. Что-то как-то тревожно на душе. Ты голодный?

– Если честно, то да.

– А у меня обеда нет. Я сегодня целый день чай пью. Могу пока пару бутербродов сделать. Есть еще консервы.

– Ладно, неси что-нибудь. Ты же знаешь, я всегда голодный.

Зоя, зябко кутаясь в теплую кофту, ушла на кухню. Вернулась с подносом, поставила на прозрачный столик напротив камина.

– Телевизор включить?

– Давай. Пусть будет фон. А то как-то очень уж тихо. Сейчас ехал по деревне – на улицах ни души. Давай я сам включу. Где пульт?

Зоя открыла банку сардин.

– Это португальские, очень их люблю. Вот тебе масло сливочное, свежий хлеб. Давай, Вик, подкрепись. Извини, но больше ничего нет, надо заказывать.

Вспыхнул большой экран. На ярко-зеленом поле спортсменки в белых юбочках играли в теннис. Вик принялся щелкать пультом. Боевики, музыкальные клипы…

– Тебе чаю или кофе?

– Чаю, если можно.

И вдруг Вик замер, глядя на экран. Знакомое лицо, увиденное им сквозь калейдоскоп телевизионных кадров, застало его врасплох. Он даже пульт выронил.

– Зоя… Быстро! Смотри!

На экране на фоне белых стен больничной палаты они увидели ту, о ком думали последние два дня.

«Посмотрите внимательно на эту девушку, – вещал мужской голос за кадром. – Ее доставили в больницу с тяжелыми, почти смертельными ранениями… Неизвестно, что ей пришлось пережить, но девушка потеряла память. Может, кто-нибудь узнает эту девушку, может, кто-нибудь ее видел…»

Девушка, бледная, с распущенными каштановыми волосами, сидела на кровати и хлопала глазами. Она казалась испуганной до смерти. Еще немного, и она начнет отбиваться от назойливого оператора.

– Марина! – закричали в один голос Зоя и Вик.

– Тсс… – Зоя схватила Вика за руку. – Подожди, давай послушаем, где именно она находится!

– Так сказали же уже: в Первой городской больнице. Зоя, поехали туда немедленно!

– Сейчас… Подожди, куртку надену… И ты быстрее одевайся! Хорошо, что я не пила сегодня ничего, поедем на моей машине.

И Зоя забегала по дому, на ходу одеваясь, собирая необходимые для ее подруги вещи в сумку: джинсы, свитер, белье, шерстяные носки, шарф…

Вик, уже одетый, стоял возле двери и тоже казался растерянным.

– Господи, хорошо, что жива!

– Я же говорила, что с ней что-то случилось… Вот дурочка, и куда влипла? Отчаянная голова!

– Глупая голова! – закивал Вик. – Ну это же надо! Потеряла память!!! Ничего себе!

Вышли из дома, Зоя заперла все двери. Спустились с крыльца, Вик помог ей вывести из гаража огромный черный джип.

– А что, если она и нас тоже не помнит?

– Зоя, конечно, не помнит! В том-то вся и трагедия! Если бы помнила, позвонила бы, дала бы о себе знать!

– Какой ужас. И что же мы теперь там скажем? Здрасте, мы ее друзья, отдайте ее нам?

– Никто не отдаст…

Автомобиль, двигаясь на большой скорости, поднимал вокруг себя тонны дождевой воды, грязи. Дождь усиливался, заливая все вокруг. Загородная трасса была почти пустынна, лишь изредка навстречу двигались, расплываясь в темноте, огни фар.

– Послушай, надо бы заехать в магазин, купить продуктов… Бедняжка, она там ест эту ужасную больничную еду, эти пустые супы и каши на воде.

– Зоя, о чем ты сейчас думаешь? Сначала надо увидеть ее, понимаешь? Увидеть, попытаться поговорить и, главное, убедить врачей, что мы – ее друзья, чтобы они отпустили ее с нами.

– Знаешь, мы с тобой дураки, Вик. Надо было нам, то есть мне, захватить мои альбомы, чтобы показать Марине. У меня много фотографий, где мы все вместе. Мне кажется, что она непременно бы все вспомнила.

– Видать, крепко ей ударили по голове, раз память отшибло…

– Ты же слышал, ее доставили с какими-то тяжелыми ранениями. Думаешь, ей разбили только голову? Но тогда почему на голове не было бинтов?

– Не знаю… Может, рану зашили или просто там сильный ушиб, его смазали йодом… Зоя, мне прямо не верится, что все это происходит с нами.

– Ладно, сейчас на месте все выясним. Если надо будет, дам денег врачам, они и отпустят. Марина…

Машину оставили на больничной парковке. Зоя заранее расплакалась. Вик, поддерживая ее под руку, довел до двери в хирургический блок.

– Знаешь, что? Надо нам взять себя в руки. Она не должна видеть твоих слез. Ни к чему это. Ей сейчас нужен позитив, наши улыбки. Она и так напугана, и ты еще со своими слезами. Давай, соберись уже. Главное, что мы идем к ней в палату, а не в морг.

– Вик, ты дурак?

– Сама такая.

– Мы халаты не взяли!

– Дадут.

В холодном полутемном холле не было ни души. Они спокойно пересекли его, открыли дверь и оказались на лестнице. Ни одна живая душа их не окликнула.

Они шли и шли, казалось, что больничные коридоры, как в компьютерной игре, – бесконечные, виртуальные, нежилые.

Остановили санитарку с ведром и шваброй.

– Мать, скажи, где здесь, на каком этаже девушка лежит, которая память потеряла?

– А… слышала про такую. Еще на один этаж поднимитесь, спросите дежурную сестру, вам и скажут. Да только уже поздно, посещения закончились…

Минуты тянулись, как и коридоры, лестницы… Больничный запах забивался в ноздри, становилось трудно дышать. Зоя впилась ногтями в рукав куртки Вика.

– Так, стой… Это здесь. Видишь, вон, дежурная сестра сидит… Давай снимать куртки, хирургия все-таки… Вот бардак! Ни халатов никто не выдал, ни бахил! Люди здесь с ранами лежат, больные, инвалиды…

– Зоя, сейчас не время!

– Ладно, пошли.

Дежурная сестра, сон которой растревожили припозднившиеся посетители, зашипела на них, призывая к совести, порядку и тишине. Зоя тотчас сунула ей в ладонь купюру.

– Мы по телевизору увидели репортаж про девушку, которая потеряла память. Она – наша родственница, подруга… Словом, это наш человек, понимаете? Она увидит нас и сразу вспомнит. Я вот просто уверена…

– Ясно, ясно… – смягчилась сестра. – Ладно, раз такое дело… Пойдемте, я вас провожу…

Он сунула деньги в карман голубого халата.

11

Марина Караваева, жительница Камышина, стройная девушка в черной курточке, джинсах и алом фетровом берете, подошла к окошечку в банке и обратилась к молоденькой, чистенькой, с пышными волосами кассирше. Подумала еще, что эта девушка наверняка каждый день моет голову и ресницы красит каждое утро – на один только глаз уходит минут пятнадцать, настолько идеально они прокрашены, ресничка к ресничке.

Марине нравилось развлекаться тем, что придумывать жизни незнакомым людям. Вот и на этот раз она, разглядывая кассиршу, пыталась представить себе, где она живет, в какой квартире, с кем, какой у нее характер, какие друзья, устроена ли личная жизнь. Вот у этой девушки никого, пожалуй, пока еще и нет: ни мужа, ни жениха. Уж слишком она приветлива, слишком много работает на публику, словно ее ум и чувства еще никем не заняты. И живет она, скорее всего, с мамой, которая по утрам варит ей какао, а вечером приносит в ее комнату стопку свежевыглаженного белья: «Вот тебе, доченька»…

– Слушаю вас.

Марина очнулась. Надо же, так задуматься. И это при том, что до того, как она увидела кассиршу, ее мысли занимала совершенно другая и очень важная тема, ради которой она сюда и пришла.

Вчера вечером она встретила свою одноклассницу, Леру Борисову, портниху. Зашли в кафе, взяли по чашке кофе, поговорили. Лера собиралась замуж.

Попросила у Марины в долг пятьдесят тысяч. Сказала, что через месяц вернет, а может, и раньше. Марина сказала, что выручит подругу, без вопросов. И без процентов. И тут Лера, нисколько не смущаясь, на правах подруги, задает ей вопрос в лоб: и кто это тебе, дорогуша, присылает такие деньжищи? Марина, уверенная в том, что речь идет о ее собственных накоплениях, ответила, что она сама зарабатывает, ну и родители, конечно, подкидывают. «Ты что, правда, ничего не знаешь?» – У Леры заблестели глаза.

Выяснилось, что Лере стало известно (вероятно, от одной из своих клиенток), что Марине каждый месяц приходит банковский перевод в две тысячи евро от какого-то Караваева.

Марина была удивлена. Хотела задать еще кучу вопросов, главным из которых был: кто тебе это сказал? Но разговор неожиданно прервался, Лере позвонил жених, она сорвалась с места и убежала.

И вот на следующий день, в обеденный перерыв, Марина решила пойти в банк и все выяснить.

– Вот, пожалуйста, мой паспорт, – она положила документ в лоток. – А это моя сберегательная книжка. Девушка, у меня к вам один вопрос… Понимаете, вполне возможно, что кто-то втайне от меня открыл счет на мое имя… Скажите, это возможно?

– Да, это возможно, – голосом воспитанного, натасканного на программу банковского обслуживания робота ответила девушка. – Для этого нам достаточно сообщить ваши паспортные данные. Вы хотите узнать, есть ли у вас счет, о котором вы прежде не знали?

– Да, именно это я и хотела узнать.

– Минуточку.

Девушка весело защелкала розовыми пальчиками по компьютерной клавиатуре.

– У вас три вклада: два валютных и рублевый. На одном пять тысяч долларов с небольшим… На втором – двадцать две тысячи евро. – Тут кассирша медленно

подняла голову и поймала смущенный взгляд Марины. – И еще рублевый, здесь полтора миллиона рублей.

– Двадцать две тысячи евро, говорите? – У Марины предательски запылали щеки. – Значит, это правда, и этот счет действительно существует.

Ей так захотелось поделиться своими впечатлениями с этой незнакомой девушкой, скорее всего, ее ровесницей, что она уже мысленно произнесла фразу: «Представляете, я и не знала, что у меня есть еще родной отец. Это он прислал мне все эти деньги… такая неожиданность!»

На самом деле она задала всего лишь один вопрос:

– И что, я в любое время могу получить эти деньги?

– Если сразу все, то надо будет предварительно заказать, хотя бы за день.

– Хорошо, спасибо.

Она вышла из банка со странным чувством, словно она только что украла у кого-то сумочку с деньгами.

Отец. Откуда он взялся? И почему мама никогда о нем не рассказывала? Какое они, родители, вообще имеют право так активно вмешиваться в жизнь своих детей и решать, нужен им родной отец или нет? У нее впереди вся жизнь, и она сама должна распоряжаться ею и сама решать, встречаться ей с отцом или нет. Ладно еще, если мать тщательно скрывает от дочери, что ее настоящий отец алкоголик или уголовник, тогда еще можно понять, она скрывает от ребенка его существование, чтобы не травмировать его. Но этот-то отец явно не алкоголик, а вполне достойный человек…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/danilova_anna/neznakomka-do-vostrebovaniya

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити